

Я.И. Свирский

От языка к смыслу

(Тело как посредник между бытием и ничто)

Обращение к категории “смысл” сопряжено с рядом трудностей, одна из которых связана с традиционной для философских и логических исследований оппозицией “истина-ложь”. Дело в том, что и истина, и ложь обладают смыслом. При этом следует учитывать, что смыслом наделены далеко не только словесные высказывания, претендующие на обозначение более или менее познанной реальности, но и невербальные действия, вплоть до спонтанных телесных отклонений (как это демонстрирует психоанализ).

В данном выступлении мне хотелось бы показать, что само представление о смысле *двусмысленно*. С одной стороны, обсуждая смысл того или иного явления, наблюдения, открытия или текста, мы волей не волей вынуждены обращаться к критериям, задающим достоверность предлагаемой нам информации. С другой стороны, нас может интересовать и сам способ получения нового знания, то есть способ обнаружения новых смыслов. Но насколько эти смыслы “новы”? Со времен неокантианства известно, что конкретное эмпирическое познание должно быть “догматическим”, то есть допускать без проверки некоторое количество предпосылок, так как если бы оно этого не делало, то не существовало бы³. Значит, смыслы предзаданы, а если они и меняются, то нам суждено лишь фиксировать подобную смену и более или менее точно описывать возникающие устойчивые, хотя бы какое-то время, образования (как это делал для науки Кун, а для истории Тойнби), не претендуя на понимание диахронных процессов (Ф. Соссюр). Исследования последних десятилетий показывают, что есть конструктивные подходы — весьма нетрадиционные с точки зрения классического философствования — к обсуждению проблемы смены смыслового содержания той или иной теории, или даже шире, того или иного способа мышления (к примеру, можно говорить о разных типах рациональности). Использование термина “смысл” вместо таких слов, как “идея”, “категория”, “верификация”, “достоверность”, “факт” и так далее, может оказаться тем позитивным началом, которое позволит понять неуловимые переходы между “до” и “после”.

Чтобы как-то подойти к обсуждению статуса “смысла” — будь-то смысл предложения или же смысл того, что происходит вокруг

нас, — мне хотелось бы прибегнуть к помощи известного фантаста Роберта Шекли, а именно к его роману *Обмен разумов*.

“Всякое направленное действие содержит элемент опасности... Только держитесь подальше от Искаженного Мира”. Такой инструкцией снабдили Марвина Флинна — героя романа Шекли — перед тем как тот решил обменять свое земное тело на тело марсианина с тем, чтобы побывать на иных планетах. Однако Флинн не последовал этому совету, полученному в начале своих удивительных приключений. В погоне за собственным телом, украденным космическим разбойником Карггашем, он “ныряет” вслед за похитителем в Искаженный Мир, где в жестокой схватке отвоевывает первоначальный облик.

Но что известно об искаженном мире? Ничего! Именно поэтому от него следует держаться подальше. И тем не менее, в конце повествования Марвин возвращается на Землю целым и невредимым, “ибо есть в Искаженном Мире причинная связь, но есть и отсутствие причинной связи. Ничто там не *обязательно*, ничто не *необходимо*. Поэтому вполне допустимо, что Искаженный Мир отбросил Марвина назад на Землю, продемонстрировав свою власть над ним тем, что отказался от этой власти”. Чтобы подчеркнуть парадоксальность такой фантастической реальности, Шекли приводит теорему: “Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной частности; третий похож на наш мир во всем, кроме двух частности, и так далее”. Ирония, заключенная в данной теореме, состоит еще и в том, что описанный в произведении так называемый “нормальный наш мир” являет собой чудовищную картину нелепостей, бессмысленностей и кошмаров.

Но Флинн хочет домой, и дома “все оказалось на своих местах. Жизнь шла заведенным чередом: отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца. Разве дубы-гиганты не перекачевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении темного спутника? Разве у тройных звезд не появлялись каждый месяц новые кометы в полнолуние? Марвина успокоили эти привычные зрелища”.

Итак, отпустил ли Искаженный Мир персонажа Шекли? Сам герой, не смотря на долгие раздумья и наблюдения, не сумел обнаружить произошедших перемен. Да и были ли перемены? Кто задал критерий подлинности той реальности, в которую так стремился вернуться Флинн. Подлинным было лишь само стремление возвратиться, возвратиться во что бы то ни стало. Лишь само это стремление оставалось неизменным, его только укрепляли те уродливые и ужасные создания, которые встречались смельчаку во время странствий.

Не будем забывать, что мы имеем дело с фантастическим романом, ориентированным на то, чтобы развлечь читателя. Увлекательность повествования стирает рамки разумного и неразумного, возможного и действительного. Такие рамки даже не предполагаются в процессе чтения и восприятия читаемого. Читатель сам ныряет вместе с главным героем в Искаженный Мир, и этот мир можно назвать Миром Языка — миром, где возможное становится действительным, хотя бы в виде вполне осознаваемых слов (здесь нет претензий на модернистские опыты с фонемами и морфемами), обладающих значением и зафиксированных на бумаге. Недоумение и смех возникают на уровне столкновения разноплановых смыслов. Значит, само искажение смысла (в который, согласно Бергсону, мы погружены изначально, и можем судить о нем лишь косвенно) происходит не благодаря изошренным изыскам экспериментаторов от литературы, а в силу внутренних особенностей самого языка.

Но что значит искажение смысла, если он задан как бы изначально. Может быть стоит сменить терминологию и заявить, что смысл только и пребывает, что в “искажении”. Или лучше, что смысл, будучи безмолвным спутником всякого дискурса, явным образом наруживает себя там, где подобный дискурс не то что рушится, а хитрым образом ставит себя под сомнение, ведь “мать, как всегда, безмятежно несет яйца”.

То есть, смысл маркируется лишь в тех точках, где происходит скачек от “прежнего смысла” к “уже наличному смыслу”, причем прежний смысл невосстановим, и о нем осталось лишь смутное ощущение, или а-воспоминание. На ум приходят строки из забытой песенки Вертинского: “Это было, было и прошло, все прошло и выюгой замело, от того так пусто и светло. Вы, слова залетные, куда?”.

Итак, можно говорить о по крайней мере двух значениях слова **смысл**. Обозначим их так: **Смысл** и *Смысл*. **Смысл** — это то, к чему мы неявно апеллируем, когда предполагаем адекватность понимания (у собеседника или читателя) сообщаемой ему информации. *Смысл* — это то, что возникает, когда не срабатывают механизмы, обеспечивающие присутствие **Смысла**, это “искажения” **Смысла**, в которые мы вынуждены нырять, дабы обрести собственное тело.

Поясним, что здесь имеется ввиду. *Смысл* как искажение **Смысла** указывает, или намекает, на то, что у него должно быть как бы собственное “место обитания”. Если для **Смысла** такими местами выступают либо заоблачный мир Платона, либо чистый разум Канта, либо Абсолютный дух Гегеля, либо традиция Гадамера (сюда же, в принципе, с некоторыми оговорками можно отнести и Бытие Хайдеггера),

то *Смысл*, в силу своего постоянно исчезающего (или искажающегося) существования, не принадлежит ни одному из этих регионов. Соответственно меняются и способы его достижения. Если к *Смыслу* “прикасались” с помощью анамнезиса, трансцендентальной логики, диалектического движения, вживания в традицию или вслушивания в язык (желательно архаичный), то мимолетность *Смысла* предполагает какие-то иные приемы его регистрации (или “засекания”, как говорил Мамардашвили) — приемы, не пренебрегающие выше указанными “техниками”, но обладающие собственными, ни к чему не сводимыми характеристиками, причем способ выражения этих характеристик также, по-видимому, весьма специфичен.

Резюмируем выше сказанное так: *Смысл* можно представить себе в виде некоего скрытого зерна, под оболочкой которого уже находится все многообразие смыслов-идей, тогда как *Смысл* указывает на ситуацию смысло-самоорганизации и предполагает отсутствие каких-либо заранее предсуществующих смыслов, где бы последние ни располагались. То есть, здесь мы возвращаемся к уже известной оппозиции Бытия и Становления.

И если речь идет о поиске места *Смысла*, то такое место должно вбирать в себя все (или некоторые) характеристики становления, непрерывного убегания от “еще” и “уже”. Термин “место” утрачивает экстенсивные параметры, оставляя за собой чистую интенсивность — “интенсивное место”, маркирующее мгновенное ускользание. Кант писал по этому поводу: “Величину, которая схватывается только как единство и в которой множественность можно представлять себе только путем приближения к отрицанию $= 0$, я называю *интенсивной*” (Критика чистого разума. С. 243). И через несколько страниц: “От экстенсивной величины явления можно совершенно отвлечься и тем не менее в одном лишь ощущении (по существу *интенсивном* в отличии от созерцания, по существу *экстенсивного* — Я.С.), занимающем одно *мгновение* (курсив — Я.С.), представлять себе синтез однородного возрастания от 0 до данного эмпирического сознания” (Там же. С. 248). В приведенных цитатах указывается на мгновенность, если так можно выразится, “интенсивного синтеза”, но за интенсивными величинами Кант оставлял возможность их градации, что было подвинуто острой критике со стороны Бергсона.

Критика Бергсоном дискретного представления мира — мира, который, как он считал, только и может исследовать математизированное естествознание — привела к тому, что интенсивность стала характеристикой жизненного усилия, не разлагаемого на дискретные моменты и присутствующего между сознанием и действием. Интен-

сивность задает некую непрерывность (не ухватываемую в одном мгновении в виде ощущения той или иной степени) между последними. “Переход от идеи к усилию, от усилия к действию до того непрерывен, что мы не можем сказать, где кончаются идея и усилие и начинается действие” (Бергсон. С. 142).

Промежуточную область между сознанием и действием можно назвать телом — интенсивным телом: телом-напряжением, телом-аффектом. Причем за таким телом уместно сохранить и свойство мгновенности, присутствующее в интенсивном ощущении Канта. Но подобная мгновенность — это не мгновенность возрастания интенсивности “от 0 до данного эмпирического сознания”, а мгновенность некоего аффективного неделимого движения тела — тела, переставшего быть только лишь физическим агрегатом. Причем Кант обсуждал проблему интенсивности в рамках обоснования того, что, “хотя все ощущения, как таковые, даны только *a posteriori*, но то свойство их, что они имеют степень, может быть познано *a priori*” (С. 248). То есть речь шла о “необычном значении” понятия антиципации — антиципации интенсивных ощущений. Представление же об интенсивном теле перпендикулярно размышлениям о предвосхищении (антиципации), оно не сводится к каким-то физико-биологическим характеристикам. Здесь мы вступаем в область не предвосхищаемого (прогнозируемого, исчисляемого) тела, а тела без предвосхищений. (“Марвин нанес Краггашу удар под ложечку, затем снова удар — в нос. Краггаш проворно обернулся Ирландией, куда Марвин вторгся с полудегионом скандинавских конунгов, вынудив Краггаша предпринять на королевском фланге пешечную атаку, которая не смогла устоять против покерного флеша”).

В этом отношении тело без предвосхищений противоположно феноменальному телу, насыщенному, по терминологии Гуссерля, “ноэватическими ядрами” (некий Афганский пейзаж, где в каждой воронке от снаряда может крыться душман, знающий, что делать), то есть оно противоположно телу как области изначальных сигнификаций. Одновременно, оно противоположно и экзистенциальному телу, ангажированному в **Смысле**.

Тело без предвосхищений, интенсивное тело, выступает как коррелят искажения **Смысла** и является местом смысло-порождения, или *Смысла*. Тогда можно ввести еще одно различие. Если **Смысл** предполагает наличие Другого, общаясь с которым мы обеспечиваем собственное “мы” (пусть даже, как полагал Сартр, и под взглядом Другого), то *Смысл* подразумевает не только рассеивание Другого, но и, вытекающую из такого рассеивания, дезинтеграцию Индивидуально-

го Эго. Здесь мы “ныряем” в своего рода лейбнищевский мир монад, в микрофизику телесных отправлений, выступающих в качестве основания для вторичного и главного **Смысла**. Мы попадаем в мир микрокоммуникаций, обеспечивающих наличие Прямой Коммуникации, или Диалога.

В таком случае, по-видимому, можно сказать, что **Смысл** — это структура, а *Смысл* — это Среда. И здесь уместна метафора (если понимать под метафорой не только лингвистический троп, но и инструмент исследования) из синергетики, а именно, *Смысл* — открытая нелинейная самоорганизующаяся Среда, в которой имеются свои источники и стоки смыслопорождающей “энергии”.

Причем такие источники и стоки не могут быть наделены статусами “внутреннего” или “внешнего” по отношению к самой Среде. Сами “внешнее” и “внутреннее”, обретая качество интенсивности, становятся взаимозаменяемыми и задают пучки **Смыслов**, определяемых затем как Точки зрения. Продолжая синергетическую метафору, можно дать здесь иллюстрацию из жизни микромицета. Клетки последнего живут раздельно, если есть пища. Но если еда заканчивается, микромицет собирается в определенном месте. Перед этим клетки испускают некую информацию (носителем которой выступает специфическое вещество — цАМФ). Каждая клетка микромицета, получив такую информацию, усиливает ее, сообщая как бы, что пищи нет. “Совершенно ясно, что сами клетки “не сознают” смысл получаемой информации, но сложная игра испусканий, увеличение концентрации и диффузии молекул цАМФ приводит к образованию спирального распределения концентрации цАМФ, то есть к рождению информации на более высоком уровне. Поскольку эта информация порождается кооперативным действием системы, мы можем назвать ее *синергетической информацией*. Ясно, что в этом случае мы отчетливо различаем производство информации, носителя информации и приемник информации — клетку, цАМФ и снова клетку. Однако, как не трудно заметить, на следующем уровне возникает новый смысл, а именно структура распределений концентраций молекул, которая направляет клетки к центру скопления” (*Хакен Г. Информация и самоорганизация*. С. 50). Итак, за счет “неосознанного” корпоративного действия возникает **событие Смысла**, которое обеспечено *смысловой* средой. За счет “жизненного усилия” клетки микромицета маркируют и формируют как источники, так и стоки, задающие некую интенсивность, располагаемую между сообщаемой информацией (молекулы цАМФ) и действием (собрание возле определенного места).

Сами источники и стоки сообщают *Смыслу* характеристики интенсивности, а не только лишь структурности. **Смысл** удерживает в себе “деспотический режим означающего, в котором обитает паранойя” (Делез). *Смысл* же, изначально “искаженный”, несет в себе Событие, воплощаемое в интенсивном (совокупном, корпоративном и не предвосхищаемом) теле.

Событие (термин необходимый для прояснения того, что такое *Смысл*, и комплиментарный последнему) выступает как способ выражения интенсивности тела без предвосхищений — совокупного, молекулярного, составленного из монад тела. Можно сказать, что *Смысл* выступает здесь как Событие **Смысла**. Именно Событие разделяет “еще” и “уже”. Но такое “еще” оказывается скрытым после наступления “уже”. “Еще” проваливается за порог необратимости (Мамардашвили), и подобный провал дает возможность существованию “уже”. То, что осталось позади, превратилось в Ничто, в *пустое понятие без предмета* (Кант), которое обеспечивает присутствие наличного “уже”.

В данном случае речь идет не о “выдвинутости нашего бытия в ничто на почве потаенного ужаса” (Хайдеггер), скорее, под Ничто здесь следовало бы понимать такую необратимость, за которой **Смысл** уже отсутствует, а *Смысл* прекратил действовать, но после которой мы имеем **Смысл** и можем говорить о *Смысле*.

Интенсивное тело (непредвосхищаемое тело), в котором собираются вместе молекулярная физика и язык, оказывается трансцендентальным полем, где разыгрываются события, маркирующие присутствие того, что мы назвали *Смысл*, — полем, выступающим как граница между землей и небом, между тягой вернуться домой и стремлением побывать в иных мирах. На такой границе “дубы-гиганты кочуют на юг”.

Тело выдвинуто в Ничто, но оно же структурирует Бытие. И язык тела перестает быть “цветением уст”. Он не раскрывает мысль для бытия, а формирует великолепие ничейной бытийности, “трансцендентального поля без Я”, “четвертого лица единственного числа”⁴.